

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Лагуна вечной любви

Охотница на ведьм

Екатерина Ивановна Савина
Лагуна вечной любви
Серия «Охотница на ведьм», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170835

Лагуна вечной любви:

Аннотация

Если у вас параноя – это не значит, что за вами не следят! Именно так и получилось с друзьями ясновидящей Ольги Калиновой. Вдвойне «приятно», когда криминальные разборки сочетаются с мистическими сражениями. Кто выйдет победителем? И кто он на самом деле – человек или нездешнее существо?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Екатерина Савина

Лагуна вечной любви

Глава 1

Надо думать, он еще и отчаянно жестикулировал, верный привычке добросовестно выполнять свою работу – полузабытый актер, чье лицо оставляло своих сияющих двойников на многих километрах трескучей советской киноплёнки, а теперь обнажилось почти до степени безжизненной маски. Даже зная, что целиком в кадр он не войдет, войдет только усталое, истасканное сотнями ролей лицо, он, наверное, с преувеличенным энтузиазмом размахивал руками, азартно притоптывал. Ему очень хотелось, чтобы зритель, смотревший эту рекламу с его участием, вспомнил те годы, когда... А, может быть, он питал надежду, что его заметят и пригласят на съемки другого какого-нибудь ролика.

– Лагуна вечной любви, – снова проговорил он, мягко приклепнув губами последний слог, – это то, о чем вы давно мечтали. Вы хотели помочь жителям своей страны, тем малоимущим семьям, в которых каждую копейку тратят на хлеб, тем бабушкам, сиротливо горбящимся в подземных переходах метро и прячущим свое лицо под грязным платком. Вам неловко смотреть людям в лицо, когда вы выходите из

своего белого «Мерседеса». Благотворительный фонд «Лагуна вечной любви» принимает от населения...

– Ерунда какая-то, – проговорила я и отвернулась от телевизора, – и название еще дурацкое какое-то придумали для благотворительного фонда.

– И тем не менее! – прервал восклицанием ровно текущую свою речь актер с экрана телевизора. – Помогая другим, вы не теряете своих денег! Вы вообще ничего не теряете. Спустя какое-то время, деньги, вложенные вами в благотворительный фонд «Лагуна вечной любви», вернуться к вам сторицей. Да, да! Наш благотворительный фонд позволит вам заработать на добрых делах! Но, конечно, если вы захотите передать деньги фонду в виде безвозмездных пожертвований, вам никто этого запрещать не станет...

– Оля, послушай, – хмурясь и кусая губы, сказала Даша, сидящая в глубоком кресле, стоящем рядом с моим – точно таким же – мы будто приобрели два соседних билета на рейс самолетом, – послушай, это очень важно. Я второй день хожу уже сама не своя...

– Лагуна – это что такое? – спросил валяющийся на ковре Васик Дылда. – Что-то морское, – сам себе ответил он, глядя в потолок.

Он отхлебнул из бутылки, приподняв для этого голову, и проговорил обращаясь уже к Даше:

– Ну, кто за тобой следить может? Ты сама подумай! Если бы ты была преступницей или... или была в чем-то заме-

шана, тогда другое дело, ты могла бы опасаться слезки. А так... Просто глупо.

– Не глупо! – громче, чем следовало бы, вскрикнула Даша. – Я не сошла с ума. Я точно знаю, что за мной следят. Именно поэтому я позвонила тебе, чтобы ты заехал за мной, именно поэтому...

– Стоп, стоп, стоп... – Васик, опершись о длинные костистые руки, по-обезьяньи уселся на ковре, оставив на время бутылку в сторону, – так вот почему мы поехали сначала на ВДНХ, потом на в юг, потом на запад, потом опять в центр. Два с половиной часа по городу катались! А я еще думаю – чего ты на заднем сиденье вертишься, все оглядываешься и по сторонам... это самое... Так это ты от хвоста отрывалась, – Васик хохотнул, – по-моему, Дашенька, тебе лечиться надо.

– Придурок, – коротко отозвалась Даша и повернулась ко мне, оставив Васику хихикать и прихлебывать из своей бутылочки.

– Послушай, Ольга, – снова заговорила она, – поверь, мне неприятно, что я тебе впутываю во все это, но... мне нужна помощь. Я сама психолог и понимаю, что все мои подозрения могут оказаться просто-напросто навязчивой идеей, появившейся после событий прошлого года. Следствие потрясения, невроза... Ну, ты знаешь прекрасно, о чем я говорю.

Я кивнула.

– Мне нужно, чтобы ты помогла мне разобраться, – про-

должала Даша, – угрожает ли мне что-нибудь реальное или мне нужно просто... как предлагает вот этот, – она кивнула на Васика, – подлечить нервы?

Я снова кивнула.

– Ну так что? – спросила Даша.

Васик отпустил еще несколько шуточек относительно психического здоровья Даши, но та так и сидела к нему спиной, и шуточки, не найдя адресата, покружились еще по просторной комнате, поддерживаемые в прозрачном воздухе хихиканьем Васика, и растворились без следа, как только Даша заговорила снова:

– Ты сможешь мне? – повторила она.

– Не сейчас, – сказала я и, взглянув на мгновенно изменившееся Дашино лицо, добавила, – я хотела сказать – не сию минуту. Через пару часов.

– Через пару часов стемнеет, – немедленно высказался Васик, – она тогда вообще из твоей квартиры выходить откажется.

– Ну, так и пускай ночует у меня, – предложила я, – останешься, Даша?

– Останусь, – быстро проговорила она и дотронулась пальцами обеих рук до своих бледных щек, которые, впрочем, немного порозовели после моего предложения.

– А я? – обиделся Васик. – А меня почему не приглашаете? Мне тоже можно остаться? А, Оль? А то я немного выпил, несмотря на то, что за рулем. Еще разобьюсь на маши-

не... Так часто бывает. Одна бутылка пива притормаживает человеческие рефлексy до такой степени, что управление автомобилем становится...

– Помолчи, хоть пять минут, – поморщилась Даша и негромко все же добавила:

– Можно подумать, Васик, ты хотя бы один раз в жизни ездил на своем чудовище трезвый и не об-долбанный. Хорошо, сейчас тебя хоть кокс отучили нюхать.

– Ага, а я на пиво переквалифицировался, – согласно кивнул Васик и поставил пустую бутылку в угол, где стояло уже две таких же, – теперь дую по ящику в день. А какая разница – что кокс, что пиво. Лишь бы весело было. Хотя, кокс – он... – Васик вдруг вздохнул и задумался о чем, время от времени бормоча что-то неразборчивое, но судя по всему, очень для него приятное. Родившаяся на его губах мечтательная улыбка постепенно заставила его замолчать, и из уголков его зажмуренных глаз полилась легонькая истома, расцветившее его длинное лошадиное лицо с выпирающими мослами скул в нежно-розовый цвет.

Даша, внимательно наблюдая за Васиком, покачала головой и едва заметно усмехнулась. Потом вздохнула, возвращаясь в привычный фарватер своих безрадостных мыслей и снова взглянула на меня.

– Через два часа, – сказала я, – я ведь только что пришла с работы. Весь день на ногах. А для того, чтобы помочь тебе, мне нужны силы...

– Да-да, я понимаю, – кивнула мне Даша.

Очнувшийся Васик поднялся с ковра и теперь суетливо оглядывался по сторонам, скорее всего – в поисках своих ботинок, один из которых он зашвырнул под кресла, когда разувался, а куда подевался второй, я не видела. А может быть, видела, но не придавала этому факту большого значения и это воспоминание затаилось глубоко в подсознании.

– Ты куда собрался? – спросила его Даша.

– За пивом, куда же еще, – пробормотал Васик и вдруг встал на четвереньки и из такого положения продолжил осмотр, бегая по комнате, как большая лохматая собака, – куда же я его... Ага, вот один!

Он вытащил из-под кресла свой ботинок и – так же на четвереньках – пополз в прихожую. Чтобы ботинок не мешал ему передвигаться, он взял его в зубы, отчего сходство с псом многократно усилилось.

Даша снова вздохнула.

«Нужно занять ее, что ли, разговором каким-нибудь ничего не значащим, – подумала я, прикрывая уставшие за долгий рабочий день глаза, – а то что-то она действительно очень обеспокоена. Кто-то следит за ней. Неотступно ходит по пятам. Что это на самом деле – поздно проявившееся следствие давно пережитого невроза или...»

Лучше бы, конечно, это было небольшое расстройство психики, – решила я, – тогда все проще. Даша пожила бы у меня денька два, я взяла бы отгул на работе – и за два дня я

бы совершенно вылечила ее. Несколько сеансов – и она была бы полностью здорова».

– Как дела на профессиональном фронте? – спросила я.

Очнувшись от своих мыслей, Даша заметно вздрогнула.

– Что? – быстро спросила она.

– Да ничего особенного, – сказала я, с удивлением глядя на тревогу, проступившую на ее лице, – просто поинтересовалась, как у тебя дела с работой.

– Ах, это... Да так, – Даша пожала плечами, – пыталась отыскать занятие по душе, но что-то не получается. А тут еще и новые проблемы навалились.

– Везет тебе, Даша, – решив не обращать внимания на последнюю фразу, проговорила я, – ищешь работу не для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь, а для того, чтобы...

Я щелкнула несколько раз пальцами, пытаюсь подобрать нужное определение.

– Занять место в общественной иерархии, – подсказала Даша, – чем-то заниматься, чтобы занять себя. Найти себе какую-то... какую-то...

– Подставку, – теперь уже я сформулировала быст рее, – подставку, а под ней табличку – «Даша Мироненко. Дипломированный специалист. Занимается тем-то и тем-то, и тем-то. И добилась больших успехов».

Даша не рассмеялась. Только улыбнулась. Но и это порадовало меня.

– Не могу же я вечно болтаться по модным тусовкам, по-

сещать клубы и концерты, – сказала она, – это Васику хорошо – он с утра выпьет и ему уже ничего не надо. Мотается по городу, как... без подставки. Вот как-нибудь он доведет своего папашу... Дипломированного специалиста. И тот лишит нашего Васику содержания. Вот тогда Васик запоет. Интересно, чем он будет заниматься, если лишиться средств к существованию? – спросила вдруг Даша.

– Он ведь закончил МГУ, – немедленно поддержала я уже достаточно окрепший и оформившийся разговор, – факультет журналистики, если я не ошибаюсь. Диплом у него тоже есть, причем, насколько я помню, красный. Так что устроиться ему в какую-нибудь газетенку – без проблем можно.

– Чисто теоретически, – заметила Даша, – да, диплом. Только диплом этот ему папа его купил. А самого Васику четвертого курса едва не выперли за драку с преподавателем.

– С преподавателем? – удивилась я. – Интересно, как это наш Васик...

– Ну, где же он? – долетел из прихожей жалобный голос Васику. – Куда он делся? Что же мне – за пивом босиком идти? Не лето ведь. Март месяц. Еще холодно.

Из дальнейшего малоразборчивого и плаксивого бормотания Васику, можно было понять, что ботинка своего он так и не нашел, следовательно из квартиры выйти не может, хотя и очень хочет пива.

– Может быть, и устроится в какое-нибудь издание... Что-нибудь из желтой прессы, – продолжала рассуждать вслух

Даша, – будет писать о богемной жизни Москвы. Уж что-что, а богемная жизнь ему хорошо известна, – усмехнулась она, – от этого-то у него мозги и набекрень, что успокоиться не может и заняться делом.

– Ну, куда он задевался, проклятый?.. – по инерции канюча, вошел в комнату Васик, – у кого это мозги набекрень? – спросил он и, не дождавшись ответа, добавил:

– Я бы, Дашенька, на твоём месте, в зеркало бы посмотрел. Мозги набекрень... Я хотя бы манией преследования не страдаю.

Даша поморщилась и замолчала. Я мысленно схватила Васика за его длинные нечесанные патлы и несколько раз с наслаждением дернула так, что в руках у меня осталось бы пара прядей его жестких от постоянного окрашивания волос.

Васик посмотрел на снова уставившуюся в пол Дашу и почесал в затылке.

– Я не хотел, – сказал он, – напоминать. А пусть она про меня гадости не говорит.

– Ты, кажется, за пивом собрался, – напомнила я, – вот и иди.

– Я не могу!.. – с готовностью захныкал Васик. – Я не могу ботинок найти свой. Оль, помоги, а? Невыносимо выпить хочется – сегодня целый день ничего не пил. Почти...

Даша молчала, уставясь в пол.

Я вздохнула, закрыла глаза и медленно откинулась на спинку кресла. Васик, затаив дыхание, отошел подальше –

видимо, чтобы не мешать мне.

Зрительные безмолвные образы вспухали в моем сознании и гасли. Добравшись до нужного мне эпизода, я остановилась и дальше кадры медленно закрутились, как на противоположном засыпающему у своего проектора киномеханику экране.

Вот, застигнутая в кухне у плиты неслышным звонком, я выхожу в прихожую и смотрю в глазок. После этого открываю дверь. Первая входит Даша, за ней вваливается Васик Дылда, размахивая длинными руками, в каждой из которых зажато три бутылки пива. Он широко разевает рот, выкатывая круглые беззвучные слова и смеется.

Не успев войти и не удосужившись выпустить из рук бутылки, Васик разувается, опасно балансируя на одной ноге. Наконец случается то, чего следовало было ожидать – он оступается и, нелепо раскорячившись, на мгновение повисает в воздухе. Потом всем своим большим и нескладным телом обрушивается на пол, успев, впрочем задрать вверх руки, так ловко, что при его падении выскальзывает и разбивается только одна бутылка пива.

Ботинок, который Васик успел снять, летит через прихожую в гостиную и, закатившись там под кресло, замирает.

Васик несколько секунд испуганно лежит на полу, считая, очевидно, что переломал себе все кости, но потом поднимается, ставит к стеночке уцелевшие пять бутылок и принимается стряхивать с себя осколки стекла. Одну ногу, уже разу-

тую, он поджигает, опасаясь порезаться, так как стоит в луже разлитого пива, где островками высятся острые осколки.

Я приношу тряпку и ликвидирую последствия Васикова паскудства. Даша молча сидит в кресле и нервно грызет краешек крашенного – по старом привычке – черным лаком ногтя.

Васик, уже полностью пришедший в себя, весело прыгает на одной ноге в прихожей, вытряхивая из уха невесть как попавшее туда пиво. Одновременно он освобождает ногу от ботинка и, не глядя, швыряет его позади себя.

Ботинок кувыркается по полу, через открытую дверь падает в мою спальню и...

Я открыла глаза и тряхнула головой, возвращаясь к действительности. Киномеханик наконец заснул, опустив голову на проектор, на ручке которого неподвижно замерла его рука. Последняя сцена на белом экране моего сознания бесследно гаснет.

Васик и Даша, не отрываясь, смотрели на меня. Васик даже открыл рот.

– В спальне, – сказала я, – посмотри в спальне под кроватью.

Васик молча кивнул и метнулся из комнаты. Через несколько мгновений он снова появился передо мной, бессмысленно улыбаясь и взглядом указал на свои обутые ноги.

– Нашел? – спросила Даша.

– Не видишь, что ли, – откликнулся Васик и, снова пово-

рачиваясь ко мне, восхищенно покрутил головой.

– Слушай, как у тебя это получается? – спросил он. – Фантастика! Мне бы так уметь. А этому научиться можно? Или...

– Или, – сказала я, – разве не знаешь? Я тебе уже обо всем рассказывала. По наследству.

Но Васик уже не слушал меня.

– Ага, ага... – невнимательно отвечал он из прихожей, уже терзая неумелой рукой замок входной двери.

– Налево и дерни посильней, – подсказала я.

В ответ мне раздался сочный щелчок и в гостиную плеснула коротенькая волна кислого подъездного запаха. После того, как Васик захлопнул за собой дверь, запах повис облачком, с каждой секундой истончаясь, и скоро исчез вовсе.

– Наверное, это единственный дом в Москве, на подъездные двери которого еще не повесили кодовый замок, – проговорила Даша, все так же глядя в пол.

Я даже вздрогнула.

– Старый дом, – сказала я, – тут одни бабушки живут и дедушки. Но мне квартира очень понравилась удобной планировкой, поэтому я здесь и поселилась. Причем, размен еще с доплатой получился. На первое время мне хватило, пока на работу не устроилась. Правда, машину пришлось продать, которая... которая мне от сестры осталась, да и... На что мне машина. Я уже привыкла к метро.

– Я бы тоже на твоём месте не стала бы жить в кварти-

ре, где погиб близкий мне человек, – отозвалась Даша и посмотрела меня, – просто не смогла бы. Я как вспомню обо всем этом... Господи. Уже почти год прошел, а я все вздрагиваю, когда слышу имя Захар. А когда увижу бритоголового человека, да еще одетого в кожаную куртку, потом покрываюсь. Никогда не забуду, как я проснулась в своей машине. Вижу подъезжающий джип Васика – он выходит оттуда в своей заклепанной куртке и не видит, как быстрым шагом к нему приближается... Два выстрела и Васик падает. Ты выскакиваешь с другой стороны джипа, огибая капот, бежишь к нему. Киллер вскрикивает, увидев твое лицо, отшатывается и снова скидывает свой пистолет...

Я заметила, что у Даши задрожали руки.

– Целый год прошел, – проговорила я, обнимая ее, – что теперь ворошить...

– Потом, когда ты сняла бронежилет, мы насчитали семь сплюснутых о его оболочку свинцовых шариков, – не в силах уже остановиться, продолжала Даша, – а потом ты уехала. Мы с Васиком с ума сходили всю ночь. А потом, когда ты все нам рассказала...

– Долгая история, – мягко прервала ее я, – долго рассказывать и ни к чему вспоминать. То, что с нами случилось, больше не повторится.

На это Даша ничего не сказала. Она помолчала немного, мельком взглянула на меня и отвернулась. И заговорила снова:

– Я и не знала раньше, что бывает на свете такие близнецы. Я думала, что близнецы – это просто похожие. А у тебя с твоей сестрой – совершенно одно лицо. Помнишь, через пару недель после того, как ее... убили, в Москве появилась ты. В ночном клубе «Черный лотос»? На тебе была одежда твоей сестры, и все приняли тебя за твою сестру-близнеца Наталью, вернувшуюся с того света, чтобы отомстить за свою гибель.

– Помню, помню, – проговорила я, видя, что Даша волнуется все больше и больше, – не надо об этом.

– Боже мой, какие мы дураки были с Васиком, – судорожно – как будто у нее перехватило дыхание – вздохнула Даша, – Общество Сатаны... молокососы, объединенные тайной. А оказалось все – игрой, затеянной для того, чтобы качать деньги с наивных юных дураков и безобразными оргиями в ночных клубах прикрывать настоящие страшные преступления, которые...

– Ну, прекрати, – снова попросила я, – просто в последние дни ты разнервничалась. Нечего вспоминать то, что... то, что лучше забыть. Мою сестру не вернешь, но убийцу мне тогда удалось найти и наказать. Захар, погубивший мою сестру и едва не погубивший вас с Васиком, исчез. Как будто растворился в пустоте. Все кончилось.

– Да, – сказала Даша, – но мне почему-то кажется, что те страшные дни – после смерти Натальи – могут повториться. Не спрашивай меня – почему, – воскликнула она, заметив,

что я удивленно на нее глянула, – я это чувствую. Но не могу объяснить. К тому же – я говорила тебе, что в последние дни замечала, что за мной следят. Рядом с мной оказываются люди, которых я уже где-то видела раньше, потом они исчезают и я раза два-три за день начинаю угадывать рядом с собой новых... соглядатаев. Я теперь не могу выносить, если кто-то смотрит мне в спину. Страшное ощущение. Я чувствую себя беспомощной и слабой. Я пришла к тебе, что ты помогла мне. Ты же можешь мне помочь? Ну... сказать мне – на самом ли деле мне грозит опасность или просто у меня разболтались нервы?

– Я тебе и сейчас могу сказать, – улыбнулась я ей, – все в порядке. Просто тебе немного нужно отдохнуть. Слушай, поживи пока у меня, а когда успокоишься...

– Поживу! – согласилась Даша и как будто даже облегченно выдохнула, точно ждала, что я ей это предложу. – Я все-все-все могу делать – и стирать, и готовить, и в магазины ходить. Будь уверена, что я для тебя обузой не буду. Только сначала помоги мне.

– Хорошо, – сказала я и поднялась со своего кресла.

Потом сходила на кухню, принесла оттуда стул, поставила его напротив кресла, где сидела Даша. Выключила свет, отчего в комнату тут же ввалились из окон синие сумерки.

Я села на стул.

– Закрой глаза, – сказала я, и Даша повиновалась мне.

Год назад, когда я еще не жила в Москве, а жила в маленьком провинциальном городке, как-то вечером домой мне позвонили из убойного отдела какого-то района Москвы и попросили срочно приехать в столицу.

Потом сказали и причину вызова – один день назад в своей квартире была застрелена моя сестра Наталья, совсем недавно уехавшая от меня в Москву в поисках лучшей жизни.

Несколько дней спустя выяснилось, что Наталью застрелил профессиональный киллер, а такие преступления обычно не раскрываются. Мне так и сказал опер – что вероятность раскрытия этого преступления – два-три процента.

Но мне удалось разобраться во всем этом запутанном деле – как оказалось, моя сестра-близнец Наталья была членом Общества поклонников Сатаны, как и, кстати говоря, Васик Дылда и Даша. Отцом Общества был Захар – жуткой внешности человек, и в самом деле похожий на выходца из потустороннего мира. Сначала я думала, что это Общество – просто-напросто сборище богатых бездельников, которых увлекла идея тайной организации, наркотические шабаши и яркие проповеди Захара, почитаемого ими за могущественного колдуна.

Позже выяснилось, что я ошибалась.

Захар и вправду обладал исключительными экстрасенсорными способностями и мог при случае продемонстрировать опьяненным наркотиками юнцам какую-нибудь псевдоколдовскую штуку. Но на самом деле занимался он куда более серьезными делами, чем охмурением молодых столичных балбесов и вытягиванием из них денег – процедура эта напоминала что-то вроде сдачи членских взносов.

Захар был связан с многочисленными преступными группировками Москвы и крутил с ними дела, которые безусловно выходили за рамки, установленные уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. В этой его преступной деятельности ему очень помогали средства, выкачанные из членов созданного им Общества и его экстрасенсорные способности.

Захар и заказал киллеру мою сестру. О том, почему он это сделал, я узнала в самом конце всей этой запутанной и жуткой истории. Оказалось, что Наталья, так же, как и сам Захар, обладает экстрасенсорными способностями, унаследованными ею от нашей прабабушки Поли, которую на себе называли ведуньей. Захар помог Наталье раскрыть эти ее способности и намеревался с их помощью укрепить свою власть.

Но Наталья неожиданно отказалась связываться с темной деятельностью Захара, и тогда он...

Трудно было отыскать убийцу моей сестры, но у меня в конце концов все получилось, К тому же – я обнаружила, что такие же экстрасенсорные способности, какие были у моей

сестры, есть у меня – мы же с ней одинаковые. Правда, полностью разобраться в своих возможностях я пока не успела, но уже кое-чему научилась – проникать в сознание людей.

* * *

Я села на стул.

– Закрой глаза, – сказала я, и Даша повиновалась.

Глава 2

Вообще-то, это похоже на киносеанс. Ведь после того, как я устанавливаю контакт с сознанием определенного человека и проникаю под кору его головного мозга, передо мной начинает вращаться тысяча образов, воспоминаний, обрывки сказанных когда-то слов, выслушанных монологов, прочитанных книжных строчек и много-много-много...

Но я четко знаю вопрос, который должна задать и задаю его. После этого на мгновение падает белая пелена, а когда эта пелена тает – передо мной уже выстраивается стройный ряд кадров, которые, начиная, двигаться один за другим, представляют мне то, что я хотела увидеть.

Да, это очень похоже на кино – от моей воли ведь не зависит ход событий, показанных мне.

* * *

Даша, не шевелясь, сидела в кресле. Она широко открыла глаза и смотрит в одну точку, прикованная моим взглядом. Со стороны может показаться, что она в трансе, но это не так. Мне вовсе не нужно никого вводить в транс, чтобы получить ответ на нужный мне вопрос.

И я вижу...

Я вижу идущую через улицу к своему автомобилю Дашу. Слева от нее мелькает тень, я отмечаю эту тень, но не успеваю идентифицировать ее с кем-нибудь из...

Вот Даша стоит у своего подъезда. Он зябко кутается в свою куртку и оглядывается по сторонам. Должно быть, ждет кого-нибудь из соседей, чтобы вместе с ним подняться на нужный ей этаж. Но на улице угольная темнота, судя по которой – уже глубокая ночь – и добропорядочные соседи в такое время на улицах не шастают, а спят дома. Даша еще немного стоит у подъезда, то и дело испуганно вздрагивая и оглядываясь по сторонам, а потом поворачивается и быстрым шагом идет по направлению к своей машине.

Кадр смещается, но я успеваю заметить в углу кадра мелькнувшее чье-то тело. Должно быть, наблюдатель, находился в подъезде и наблюдал за Дашей через подъездное окно, а когда увидел, что она уходит, быстро спустился и последовал за ней.

Следующий кадр почти полностью покрыло облако выхлопного газа. Видно только – задний бампер и заднюю часть отъезжающей машины Даши, и окутанный серым облаком, выделявшим его на фоне темноты, неясный силуэт таинственного наблюдателя.

* * *

– Пожалуй, достаточно, – проговорила я, и Даша, вздрог-

нув, открыла глаза.

Какое-то время она приходила в себя, потом тряхнула головой и попыталась улыбнуться.

– Никак не могу привыкнуть к ощущению – когда кто-то копается в моих мозгах, – сказала она, ощущывая зачем-то свою голову обеими руками.

– Можно подумать, ты часто испытываешь такие ощущения, – заметила я.

– Одного раза – вполне достаточно на всю оставшуюся жизнь, – сообщила Даша, она прокашлялась, опустив лицо в ладони и снова подняла на меня глаза.

– Ну что? – робко спросила она. – Что ты выяснила? За мной на самом деле кто-то следит или?..

Я покачала головой.

– Не знаю пока, – сказала я.

– То есть – как это? – нахмурилась Даша. – Ты же проникла в мое сознание, как ты это умеешь, ты же все должна выяснить.

– Понимаешь, – начала я, – в первый момент мне показалось, что твои подозрения оправдываются, что на самом деле за тобой кто-то...

– Я так и знала, – опустив глаза, прошептала Даша, – я чувствовала, что...

– погоди, – остановила ее я, – я вовсе не уверена, что то, что я увидела – реальный факт, а не образы, созданные твоим же воображением.

– Как это? – заморгала глазами Даша. – Даже ты не можешь этого определить. Как же мне быть?

Я задумалась.

– Пожалуй, я смогла бы сказать точно, – медленно выговорила я, – если бы ты пришла ко мне раньше. Пришла спокойная и попросила прояснить случай... Но теперь ты едва не в истерике бьешься. И вполне может быть, что на самом деле ничего и не было. Просто у тебя расстроены нервы и ты сама себе насочиняла проблем.

Даша резко вскочила с кресла.

– Я ничего не сочиняю! – выкрикнула она. – Я думала, что ты мне помочь сможешь, а не отделаешься просто, как от... Как от...

Они бросилась в прихожую, кажется, уже всхлипывая. Я метнулась за ней и успела схватить ее за рукав, когда она, наскоро обувшись и схватив в охапку свою куртку, направлялась к двери.

– Пусти, – выговорила Даша и, не выдержав, все-таки разрыдалась.

– погоди, – быстро заговорила я, – ведь я на самом деле не могу быть на сто процентов уверена, чтобы сейчас успокоить тебя. Ведь я просто передала тебе отпечатки с того, что ты видела. Просто какие-то нюансы могли ускользнуть от твоего восприятия, но остаться в определенном участке головного мозга. Я раскрываю все эти нюансы и вижу более полную картину происходившего с тобой когда-то – только

и всего. Другое дело, что ты могла увлечься манией преследования...

– Это не мания!.. – сквозь слезы выкрикнула Даша, но замолчала сразу же, когда я заговорила снова.

– Не мания, не мания, – поправилась я, – другое дело, что ты могла расцветить все события собственными придуманными образами. Ты же сама психолог. Ты же должна понимать, что я говорю тебе.

– Да... – всхлипывая, ответила Даша, – я понимаю, но справиться с собой не могу. Как будто что-то изнутри меня подстегивает, заставляет бежать, прятаться. Не могу справиться с этим.

– Ничего, – сказала я, – пока поживешь у меня. Из квартиры выходить не будешь, все, что нужно тебе, я буду приносить. Если за тобой и на самом деле кто-то следит, то они тебя наверняка потеряют – ведь когда ты ко мне ехала, ты заметала следы.

– Заметала, – уже вполне успокоившись, проговорила Даша, вытирая мокрое лицо рукавом куртки.

– Вот и хорошо, – сказала я, – иди в комнату, я поставлю чайник.

Даша послушно сняла свои туфли, повесила на вешалку куртку и направилась к комнате – села на то самое кресло, на котором сидела.

А я сделала по направлению к кухне только один шаг. И замерла, задумавшись.

«Если рассудить здраво, – катились круглые и правильные мысли у меня в голове, – то Даше сейчас вовсе не нужно перекрывать и прятаться. Наоборот – она должна сейчас находиться где-нибудь в центре города, где всегда много людей. И тогда – незаметно следуя за ней – можно было бы выяснить – на самом ли деле кто-то следит за ней или все ее проблемы просто-напросто... Но как сейчас скажешь ей об этом? Пускай немного успокоится и тогда я снова поговорю с ней».

Звонок во входную дверь прервал ход моих мыслей. Я услышала, как Даша в комнате негромко вскрикнула.

Прежде чем открыть, я посмотрела в глазок. Привычка, к которой я себя приучила, когда узнала, как именно погибла моя сестра – ее застрелил киллер в прихожей ее собственной квартиры – дверь в этой квартире глазком оборудована не была.

Немного деформированный особенностями оптической линзы Васик, покачиваясь на лестничной площадке, широко мне улыбался, очевидно, вполне довольный собой, современниками и окружающим его миром.

Я открыла дверь.

– Соскучилась? – вваливаясь в прихожую, осведомился Васик, – а быстро шел, как только мог. А когда я быстро иду, я обычно падаю. Вот упал, а навстречу как раз патруль ментовский.

Через прихожую проследовала Даша в ванную. Васик был

увлечен собственным монологом и поэтому не заметил ее заплаканного лица.

– Купил всего понемножку, – сказал он, ставя на пол тяжелую звякнувшую сумку, – как говорится – ассорти. Последнее время мы нечасто вместе собираемся, так что сегодня немного можно – выпить и закусить.

Он скинул с ног ботинки и, не глядя, пинками зашвырнул их под вешалку. На этот раз я проследила траекторию полета ботинок.

Васик снова подхватил свою сумку и, кивнув мне, чтобы я следовала за ним, направился на кухню. Там он поставил сумку на стол и принялся доставать свои покупки, комментируя каждое свое действие – так коммивояжер расписывает достоинство предлагаемого товара. Васик и говорил совсем как коммивояжер – быстро и без остановки:

– Вот это бутылка «Перцовой», с нее очень хорошо начинать – она язык развязывает и вообще – освежает. Хорошая вещь. Вот – коньяк армянский. Продавец клялся, что настоящий, действительно в Армении произведен.

Васик поднес бутылку к глазам, несколько минут внимательно исследовал этикетку, потом просиял и воскликнул:

– Не обманул, халдей – настоящий, армянского оригинального производства, – проговорил Васик. – Вот тут написано – сделано в Душанбе. Та-ак, что тут еще... Ага, бутылка «Столичной». Ну, это само собой, даже объяснять не надо. Вот это херес. Не знаю, что такое, продавец, падла, под-

сунул до кучи. Вот это вино молдавское, дорогое – значит нормальное. Вот это текила, я текилу очень люблю. Ну, пиво еще – куда же без него. Опять же – утром надо будет похмеляться чем-нибудь...

– Васик, – с изумлением проговорила я, – зачем такое изобилие? Может, ты еще пригласил кого? Мы же при всем желании всего этого употребить не сможем.

Васик пожал плечами.

– Есть такая поговорка, – высказался он, – сколько водки не бери, все равно два раза за ней бежать придется. Вот я и подумал... Чтобы два раза не бегать... А приглашать я никого не приглашал. Только до магазина и обратно. Да! – вспомнил он. – Я так и рассказал, что со мной приключилось по пути в магазин!

– Что еще приключилось? – появившись в дверном проеме, тревожно спросила Даша.

Она была бледна после умывания и, кажется, еще не вполне успокоилась.

– Сейчас расскажу, – с готовностью отозвался Васик и уселся за стол, одновременно скручивая жестяную головку бутылке «Перцовой», – иду я, значит, себе иду... Давай, Оль, стаканы-то...

Я подала ему стаканы и присела за стол. Даша села рядом со мной. Васик отвлекся на минуту от своего рассказа, разливая водку, а потом продолжал:

– Патруль, говорю, ментовский мне навстречу идет. А я

как раз упал. В лужу. И так неудачно упал, что спиной приложился – со всего размаху – ба-бах! Ну, лежу, пошевелиться не могу, дыхание у меня сперло. А менты подходят и говорят мне так, знаешь... А закусок у нас не будет, что ли? – снова отвлекся он.

– Извини, – поднимаясь, проговорила я, – заслушалась. Сейчас соображу что-нибудь.

– Ага, ага, – закивал Васик, – что-нибудь по-быстрому. Колбаска там, салатика... Всякие овощи консервированные есть у тебя? Вот и славно. Люблю солененьким закусывать – не могу прямо...

Даша бросилась помогать мне и вдвоем бы очень скоро накрыли стол. Васик все это время трепался без остановки, то и дело отхлебывая из своего стакана.

– Поднимают меня из лужи, – тараторил он, – берут под белы ручки и ведут куда-то. Тут уже я немного оклемался – говорить могу. Ну, и, значит, начинаю им втирать, кто я такой, как у меня фамилия, кто мой отец и что им всем будит, если они меня сейчас же не отпустят.

– А менты? – спросила Даша, щеки которой уже немного порозовели, она даже несколько раз улыбнулась в такт рассказу Васика.

– А менты ржать начали, – с готовностью продолжил Васик. – Говорят – не может быть, чтобы у такого большого человека был сынок алкаш и придурок. Ну, тогда меня зло разобрало – думаю, сейчас приволокут меня в отдел, там раз-

беремся. Еще и извиняться будут, уроды мусорские...

Васик прервался, шумно выдохнул и выразительно покосился на наши стаканы. Мы выпили, и Васик не давая нам даже отдышаться, снова забарабанил:

– Приводят меня в отдел, и, натурально, в обезьянник. Посиди, говорят, отдохни. А мы пока протокол составим. Захожу я в обезьянник, а там уркан сидит какой-то. Бухой в жопу, едва глаза открыть может, а туда же – начинает на меня бочку катить – мол, таких волосатых мудаков, как я, мочить нужно и в параше топить. Хотел я ему промежь глаз засветить, да присмотрелся и узнал в этой горилле своего бывшего одноклассника, Аркашей его зовут. Ну, он тоже меня узнал, когда я представился, конечно. Он от радости встречи даже протрезвел немного. Настолько, что смог слова выговаривать и связывать их в предложения. Успел мне о себе рассказать немного. Говорил, что боец в одной из группировок. В тамбовской группировке – вспомнил. Ходит под Артистом, – Васик подмигнул мне, – помнишь?

Я кивнула и невольно поежилась. С бандитом Артистом нам с Васиком как-то пришлось столкнуться год назад – в то время, когда я расследовала убийство своей сестры Натальи. Для нас тогда эта встреча едва не окончилась трагически. Повезло – удалось ускользнуть. Ну, ладно, что это я? Только что говорила Даше, что нечего вспоминать то, что лучше всего накрепко забыть, а сама...

– Только мы разговорились более или менее, – с хрустом

жуя огурец, продолжал Васик, – к нам в обезьянник вталкивают мужичонку. Такой... евреистого типа, кудрявенький в очках. Пьяный, конечно. Аркаша на него начинает наезжать, как на меня вначале. Взял этого жиденка за шкиряк и говорит ему – выбирай, куренок, вилку в глаз или в жопу раз? Этот прикол Аркаша из зоны вынес. Там таким образом лохов проверяли, которые первый раз на хату заходили. Тот мужичонка долго не понимал, что от него хотят, а потом вдруг ка-ак ломанется к решетке! Ка-ак заорет! Мусора прибежали, а он им – почему вы меня к пидарасам посадили, выпустите, не хочу к пидарасам. Тут уж мы с Аркашей возмутились – что это он нас пидарасами-то обзывает... – Васик фыркнул, не выпуская рвавший наружу смех, и, давась им, продолжал. – А мужичонка оборачивается к нам и орет – они мне говорили – в жопу раз или в вилку в глаз, а у самих оба глаза целые.

Васик, не договорив, расхохотался, видимо, не в силах больше сдерживаться. Когда первый приступ веселья у него прошел, он вдруг заметил, что мы с Дашей не смеемся.

Он пожал плечами и снова разлил.

– Не смешно? – осведомился Васик. – Это потому что вы не поняли юмора. Сейчас выпьем, а потом я вам еще раз все по порядку расскажу.

Поселившись в Москве, я и работу нашла себе подобную той, какой занималась в своем родном городке. Если раньше я была рекламным агентом в местной газетке, то сейчас, занимая примерно такую же должность, я пышно именовалась менеджер-агент по размещению рекламы. А контора, где я теперь работала, называлась рекламное агентство «Алькор».

Обязанности мои состояли в том, что я с утра до вечера носилась по городу со списком адресов фирм, который составил мне мой непосредственный начальник. Директора и президенты, означенных в списке фирм, были уже осведомлены о моем предстоящем визите. Ранее они обращались в наше агентство и оставляли заказ на изготовление для них логотипа фирмы, рекламного ролика и тому подобной ерунды.

Директора и президенты обычно общались со мной лично. Это в редких случаях бывало, чтобы они отсылали меня к своим заместителям или секретарям, получившим соответствующие инструкции.

Все-таки, реклама, а в особенности – логотип – визитная карточка фирмы.

Больше половины директоров и президентов вообще не знали, что они хотели бы увидеть в рекламном ролике, на рекламном плакате или в рекламном тексте, помещенном на

специальной страничке периодического издания. Тогда мне приходилось довольно долго сидеть с ними, выспрашивать о специфике фирмы и даже разговаривать на совсем отвлеченные темы, чтобы понять, как составить рекламный продукт таким образом, чтобы он смог удовлетворить заказчика.

Довольно трудная работенка, учитывая еще то, что директора фирм – особенно уже пожилые и заплывшие заслуженным жирком – поговорив со мной о том, о сем, ни с того ни с сего вдруг начинали смотреть на меня не как на делового партнера, а как на женщину, с которой неплохо было бы познакомиться, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Видимо, из сбивала с толку неофициальность беседы, которой я пользовалась для того, чтобы узнать заказчика рекламы получше и преподнести соответствующий его вкусу продукт.

Намного проще и легче было работать с бизнесменами, четко представляющими себе – что они хотят от нашего рекламного агентства.

Такие не кликали секретарш с чаем и бутербродами, не предлагали заговорщицким шепотом коньячку из сейфов, а быстро и доступно излагали свои требования, и мне оставалось только записать все то, что они говорили, и вечером в конторе передать все впечатления и расшифровку своей записи ребятам из отдела изготовителей рекламы.

И все. Вот в чем заключалась моя работа.

Не знаю, может быть, суматошная Москва на меня так подействовала или еще что, но с недавнего времени я перестала удовлетворяться ролью только поставщика информации, стала часто забегать в другие отделы нашей конторы, разговаривать с мастерами на профессиональные темы, и даже на днях представила несколько толковых сценариев для рекламного ролика. Один из сценариев приняли и, немного переработав, сняли по нему ролик. А я получила премию. Небольшую, правда, но ведь дело было вовсе не в деньгах – а в том, что я убедилась в своей компетентности.

Кто знает, может быть, скоро я уже не буду мотаться по офисам, как сейчас, а займусь другим делом, которое, кстати говоря, очень меня стало интересовать – изготовлением рекламы.

Но пока...

Нужно выполнять те обязанности, которые должна выполнять.

* * *

Хоть на посиделках с Васиком и Дашей я выпила совсем немного – по моим меркам практически не употребляющего спиртного человека – все же голова гудела у меня порядочно и я лишней раз порадовалась, что продала машину сестры. Совершенно не могу себе представить, как можно водить машину по дневным улицам Москвы – с ума сойдешь.

Я проснулась раньше всех и после утреннего посещения ванной комнаты решила все-таки разбудить Васику и немного проконсультировать его относительно дальнейшего его поведения.

– Га! – хрипло гаркнул Васик, когда я сильно трянула его за плечо.

Он вскочил с кресла, на котором провел ночь, и – страшный, со спутанными длинными волосами, облаком стоящими вокруг его головы – уставился на меня враз покрасневшими глазами.

– Чего? – осведомился он и вдруг шумно зевнул.

Я едва успела отскочить в сторону, иначе меня, наверное, бы сбила с ног тугая струя невероятно зловонного и насыщенного алкогольными парами перегара.

Васик поморщился.

– Рано еще, – прохрипел он, – чего ты здесь... прыгаешь? А где?..

Он пошарил глазами по комнате и, увидев спящую на диване Дашу, снова зевнул.

– Не оклемалась еще, – высказался Васик, – оно и понятно. Дашенька наша вчера задала концерт.

– Тише ты! – оборвала его я. – Пойдем на кухню, поговорить надо.

Васик попытался приподняться, но необъяснимая сила вдавила его в кресло, и Васик бессильно свесил с подлокотников длинные руки – его пальцы с нечистыми ногтями ка-

сались пола.

– А тут нельзя поговорить? – жалобно поинтересовался он. – У меня ноги не ходят что-то... Подкашиваются.

– Разбудим, – я кивком указала на Дашу.

– Мы тихо будем. Прямо умираю я, до чего мне плохо, – доверительно высказался Васик, – передвигать не могу.

– Как хочешь, – притворно зевнула я, – только на кухне в холодильнике пара бутылок пива осталась и почти полная бутылка «Столичной».

Эта новость приподняла нескладное тело Васика с кресла, заставила его на заплетающихся ногах добраться до холодильника. А положив руку на прохладный живот холодильника, Васик моментально преобразился.

Рыча, он распахнул холодильник, извлек оттуда бутылку пива, скovyрнул желтым носорожьим ногтем большого пальца металлическую пробку и опрокинул бутылку над своей глоткой.

– Хорошо! – булькнул он, когда последние капли янтарно-желтой жидкости исчезли из зеленой стеклянной оболочке.

Васик достал еще одну бутылку пива, открыл ее и опустился на стул.

– Ну, о чем ты со мной хотел поговорить? – свежим и ничуть не хриплым голосом осведомился он.

Я прикрыла дверь и села напротив него на стул.

– Какие у тебя планы на сегодняшний день? – прежде все-

го спросила я.

Васик надолго задумался. Думал он довольно долго, а когда опустела вторая бутылка пива, проговорил:

– Да никаких, наверное.

– Тогда слушай меня внимательно, – строго сдвинув брови, начала я.

– Сейчас, – прервал меня Васик, – погоди ми нутку... Он снова открыл холодильник, погрузился туда по плечи и вынырнул, сжимая в костистых лапах чудом уцелевшую бутылку молдавского вина.

– Ага, – кивнул он мне, – слушаю.

И отхлебнул прямо из бутылки.

– Я уезжаю на весь день, – проговорила я, – Даша остается у меня на... на неопределенный срок. И коль тебе сегодня нечем заняться, так я хотела тебя попросить, чтобы ты проследил за ней...

Не дослушав до конца, Васик рассмеялся.

– Понял, – сказал он, – посмотреть, чтобы она опять не нажралась, как вчера? Чтобы не плясала на столе голышом? Это я могу!

Он снова приложился к бутылке.

– Да нет, – поморщилась я, – ты не понял.

– Да чего здесь не понять? – удивился Васик. – А ты знаешь, – понизив вдруг голос до шепота, проговорил он, – когда ты спать улеглась, Даша залезла в ванну и меня к себе позвала. Сказала – спинку намылить.

– А ты?

– А я вовремя поспел! – осклабился Васик.

– То есть? – не поняла я формулировку ответа.

– Ну, когда я пришел в ванную, она уже захлебывалась.

Напилась сильно, вот и уснула, пока меня ждала, – объяснил Васик. – Она же совсем невменяемая была, когда еще ты спать не легла. А потом она еще бутылку вина прикончила и стала – наглухо. Кричала всякую ерунду. Шептала мне на ухо, что лучше покончит с собой, чем живой попадет в руки Захара. Она считает, что это Захар за ней следит, – сообщил Васик, – совсем с катушек съехала. Она всегда была нервная, но чтобы вот до такой степени... Да, кстати! – вспомнил он. – Ты меня о чем-то хотела попросить?

– Хотела, – получив, наконец возможность проговорить свою просьбу до конца, я глубоко вдохнула и начала, – мне нужно, чтобы ты, Васенька, последил за Дашей, пока я буду на работе.

– Это я понял, – кивнул Васик, – и что – и все, что ли?

– Ну да, – сказала я, – если она захочет из квартиры выйти – следуй за ней. Но не так, чтобы она знала, что ты за ней идешь. А незаметно.

– То есть как это? – наморщился Васик. – Следить, что ли, за Дашкой?

– Не совсем, – поправила его я, – следить за теми, кто следит за ней.

– Как это? – вытаращил налившиеся кровью глаза Васик, а

когда до него дошел смысл моего высказывания, он почесал в затылке и спросил меня:

– Это что же – ты думаешь, что за ней на самом деле кто-то следит? Да брось! Кому это надо было бы? Просто девочке нужно нервы полечить немного.

Я неопределенно мотнула головой.

– Не уверена я, – сказала я.

– В чем это? – немедленно задал вопрос Васик.

– Ни в чем не уверена, – ответила я, – но вполне может статься, что за нашей подругой кто-то следит.

– Кто? – механически спросил Васик и вдруг осекся. – Неужели... – пробормотал он, – неужели ты думаешь, что это вернулся Захар?

– Да причем здесь Захар? – рассердилась я наконец. – Просто-напросто лучше проверить. Чтобы потом не было никаких сомнений.

– Ну ладно, – согласно кивнул Васик и снова сделал длинный глоток из бутылки, – послежу за ней. Только вот – если за Дашкой и в самом деле кто-то следит, то как этот кто-то вычислит ее на твоей квартире? Ведь Дашка, когда к тебе ехала, так усердно заметала следы, заставляя меня петлять по городу, что... Тут никакой Шерлок Холмс не поможет.

Это замечание Васика было к месту. Действительно, как это я не подумала?..

– Ну-у, – протянула я, – в таком случае твое задание усложняется. Выдумай какое-нибудь дело, чтобы Даша хотя

бы на минуту заехала к себе на квартиру. После этого... Ну, короче говоря, Васик, что я тебе рассказываю – ты и сам все прекрасно понимаешь.

– Конечно, понимаю, – важно кивнул Васик и допил бутылку, – мы с тобой не в первый раз ведем расследование. Я знаю, что к чему.

– Вот и отлично.

Я посмотрела на часы – я уже опаздывала на работу.

– Только еще два момента, Васик, – добавил я.

– В чем дело?

– Во-первых, не приведи хвост ко мне на квартиру, если этот хвост существует на самом деле, – сказала я, – а во-вторых, поосторожнее с этим самым, – я выразительно щелкнула себя двумя пальцами под подбородок, – больше не пей, ты и так уже снова пьяный, по-моему.

– Я? – Васик даже обиделся. – Да что тут пить-то? Ты же знаешь, что я сколько не выпью, всегда сохраняю это... как его... присутствие духа.

– А кого вчера в милицию забрали? – напомнила я.

– Да это что! – фыркнул Васик. – Упал я просто, споткнулся. А эти козлы и рады стараться. Лишний штраф слупить. Только, конечно, ни хрена у них не вышло. Они мои данные по компьютеру проверили и на задних лапках прибежали. Из обезьянника чуть ли не с музыкой вывели, – Васик Дылда выпрямился на стуле и самодовольно усмехнулся. – Ладно, – добавил он, – постараюсь поосторожнее. В общем так, –

подытожил он, – мне нужно установить – следит ли кто-нибудь за Дашкой или это она все надумала, так? – Васик поднял вверх указательный палец и икнул. – Будет сделано.

Он снова икнул – с такой силой, что едва не упал со стула. Я вздохнула и внимательно посмотрела на него. Видимо, в моем взгляде Васик угадал сомнение в его сыскарских способностях, потому что он поднялся на ноги и, стараясь держаться прямо, проследовал к газовой плите.

Зажег горелку и поставил на нее чайник.

– Кофе буду пить, – объяснил он свои действия, – оно протрезвляет. И Дашке налью, как только она проснется. Кофе налью – в смысле.

Он вдруг ухмыльнулся.

– Сомневаюсь, что она с дивана сегодня слезет, – сказал он, – а не то что пойдет куда-нибудь.

– Ладно, – сказала я, – там видно будет. Боец Васик, ты свое задание понял?

– Так точно!

– Выполний! Только поосторожнее. Знаю я тебя, – вздохнула я, – обалдуй ты порядочный. Но положиться на тебя можно – хоть и обалдуй.

Васик вытаращил глаза и соорудил чудовищно нелепую гримасу – настолько неправдоподобную, что мне показалось, будто он надел маску.

– Рад стараться! – крикнул он.

Как я узнала позже, от этого крика Даша и проснулась.

Мой рабочий день уже подходил к концу. Осталось посетить только одну фирму.

Я сверилась со списком – да, так и есть – одна фирма. Называется – «Лебедушка». Шеф что-то говорил об этой фирме, но что именно – не помню. Забыла. Помню только – шеф мерзко прихихикивал, когда диктовал мне эту «Лебедушку», он так всегда хихикает, когда кто-нибудь рассказывает ему скабресный анекдот, до которых он большой охотник.

Я добралась до того места, где должна была располагаться фирма – большого пятиэтажного дома. Знакомое здание – раньше здесь, насколько я знаю, проводились какие-то партийные совещания и работали комсомольские дружины, а теперь это большое здание, как муравейник, нашпиговано офисами различных компаний и фирм.

Первым делом, как вошла, я, конечно, навела справки у охранника. Оказалось, что мои потенциальные заказчики – фирма «Лебедушка» – довольно солидные клиенты – они снимали не пару комнат, а целый этаж – верхний.

Охранник позвонил на верхний этаж, доложил о моем прибытии, а потом проводил меня к лифту.

Когда створки лифта раскрылись, меня встретил еще один охранник. Он вежливо поздоровался со мной и указал на большую металлическую дверь с надписью «Лебедушка».

«Солидно, – думала я, осматриваясь, – очень перспективные клиенты. Надо шефу о них доложить – отдельно. Только вспомнить бы – почему он так мерзко хихикал тогда».

Створки лифта снова раскрылись и выпустили девушку в кожаной куртке и предельно короткой юбке. Голову девушки украшала просто громадная копна обесцвеченных волос – было похоже на то, что на голову девушке села, распушившись, гигантская белая курица.

– Где здесь?.. – оглянувшись по сторонам, спросила девушка.

Охранник и ей кивнул на металлическую дверь. Девушка с курицей на голове прошмыгнула впереди меня. Я вошла за ней в полутемный коридор и прикрыла за собой тяжелую дверь.

Девушка стучала каблуками уже где-то далеко по коридору. Вот легко хлопнула какая-то дверь из располагавшихся по стенам и девушка исчезла.

Я пошла следом за ней и вскоре вычислила ту дверь, которая открылась, впустив девушку. На двери была картонная табличка – «Отбор претенденток здесь».

Я хмыкнула и пожала плечами. Мне явно не сюда. А где же здесь кабинет директора фирмы?

Надо вернуться и проконсультироваться у охранника.

Так я и сделала.

Глава 3

Генеральным директором фирмы «Лебедушка» оказался довольно молодой мужчина (примерно, тех же лет, что и я) – одетый так, будто бы только что сошел с подиума одного из самых модных и последних показов. Пластика его движений напоминала женскую, а манера растягивать слова усиливало появившееся у меня при первом взгляде на него подозрение в «голубизне».

Ну, да черт с ним. Хоть приставать не будет. За день так устаешь от высокопоставленных дон-жуанов и престарелых шалунов.

– Вы из «Алькора»? – вскинув голову, как только я вошла в кабинет, спросил он, хотя при мне – в приемной кабинета секретарша всего несколько секунд назад докладывала о моем прибытии.

– Да, – сказала я, – Ольга Антоновна Калинова. Насколько я понимаю, вы хотите сделать себе рекламу. Давайте обсудим, что бы вы конкретно хотели заказать в нашем агентстве, – выпалила я многократно затверженную фразу.

– Как говорится – ближе к телу? – неожиданно засмеялся он. – Я ведь даже еще и представиться не успел. И предложить вам присесть – тоже.

– Извините, – пробормотала я. Обычно президенты и генеральные директора мне не представлялись, а мое имя-от-

чество выслушивали в пол-уха. Да и зачем все эти формальности? Надо быстро-быстро сделать это дело и переходить к другим – не менее важным.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – молодой человек указал на глубокое кресло напротив его письменного стола, – меня зовут Карен Степанович, я генеральный директор фирмы «Лебедушка».

Я кивнула, давая понять, что находила эти сведения очень ценными.

– Чаю, кофе? – предложил Карен Степанович. – Выпить что-нибудь хотите?

– Если можно кофе, – согласилась я. Под вечер у меня начала болеть голова. Я вдруг неожиданно подумала о Васике и Даше – как они там?

Карен Степанович отдал в селектор соответствующие указания и через минуту секретарша внесла в кабинет поднос с двумя дымящимися чашечками.

Карен Степанович достал из ящика своего письменного стола маленькую плоскую бутылочку.

– Коньяка? – предложил он.

Я едва удержалась от того, чтобы не поморщиться.

«Начинается, – подумала я, – а я-то думала, что он из этих самых – из нетрадиционных. Сейчас откажусь, полчаса меня будет уговаривать хоть капельку выпить. Сбивать с рабочего настроения».

– Нет, спасибо, – я подняла на уровень груди развернутые

в его сторону ладони, – я не пью.

– Как хотите, – равнодушно проговорил Карен Степанович, – а я добавлю себе в кофе. Очень, знаете ли, люблю в конце рабочего дня.

Он проделал все необходимые манипуляции, спрятал бутылочку обратно в ящик, отхлебнул из своей чашечки и зажмурился от удовольствия.

– Зря отказались, – медленно проговорил он, – бодрит, настраивает на творческий лад.

Я снова кивнула.

– Может быть, мы перейдем к делу? – проговорила я, после того, как Карен Степанович, хлебнув еще несколько раз, открыл наконец глаза.

– Да-да, конечно.

Он снова отхлебнул, снова зажмурился, но когда открыл на этот раз глаза, в них уже появилась обычное для всех деловых людей собранность.

– К делу, так к делу, – сказал он, – нашей фирме нужна заказать в вашем агентстве проект рекламного щита.

– Деятельность вашей фирмы? Какого рода рекламу вам бы хотелось увидеть? – отчеканила я привычные вопросы.

– Деятельность нашей фирмы? – переспросил Карен Степанович. – Мы представляем собой... своего рода филиал благотворительного фонда «Лагуна вечной любви». Слышали о таком?

– Слышала, – кивнула я, припомнив навязчивую телеви-

зионную рекламу, – по всем каналам передают об этом фонде. Ни одна рекламная пауза на телевидении не обходится без упоминания об этом фонде.

– Правильно, – улыбнулся Карен Степанович, – фонд только начинает свою деятельность, так что ему необходимо заявить о себе. А наша фирма – мы занимаемся финансовыми операциями под эгидой фонда – недавно переехала в этот муравейник. Не успели еще обжиться здесь. Ну, вы, наверное, заметили, как на нашем этаже неприглядно еще.

– Вообще-то не заметила, – сказала я, хотя мне на самом деле показалось, что коридор слишком темен и безлюден. Ну, понятно – конец рабочего дня.

– Спасибо за комплимент, – снова улыбнулся Карен Степанович и снова отхлебнул из своей чашечки – и снова зажмурился, будто употребление этого напитков доставляло ему просто неземное блаженство.

– Итак, – подытожила я, – вы занимаетесь финансовыми операциями и, надо думать, работаете с населением – если хотите заказать рекламный щит.

– Совершенно верно, – сказал Карен Степанович.

– Вы представляете себе – хотя бы примерно – как это может выглядеть? – спросила я, надеясь на то, что Карен Степанович действительно обдумал уже и тему рекламного щита и визуальный ряд, и слоган, и оформление. Тогда мне не придется тратить время на разговоры с ним и напрягать уставший уже мозг, чтобы узнать, что ему на самом деле нужно.

– Конечно, представляю. А как же иначе? – ответил мой собеседник и приподнял немного густые ровные брови, как бы в знак того, что очень удивлен моим вопросом.

Отлично! Значит наш разговор закончится быстрее. Ну, полчаса еще, примерно, и можно ехать домой – знаю по опыту общения с подобным контингентом.

Правда, я неожиданно заметила, что мне нравится общаться с Кареном Степановичем. Как-то очень уютно было и по-домашнему – сидеть в мягком кресле с чашечкой ароматного напитка, греющей озябшие на улице руки.

– Насколько я понимаю, – начала я, – тема щита – бизнес. Сфера денег, компьютеров... Что-то строгое, настраивающее на деловой лад. Никаких лишних компонентов. Народ уже не покупается на яркие картинки с полуголыми красотками на фоне пальм и ослепительных пляжей. Коротко и по существу – такова будет общая идея плаката?

– Не совсем, – качнул головой Карен Степанович, – я предполагал совсем другое изображение. Вы верно говорили о доверии людей. Манипулировать этим доверием – и есть сфера ваших занятий. Я правильно понимаю?

– Абсолютно верно, – согласно кивнула я.

– Так вот, – продолжал Карен Степанович, – мне бы хотелось видеть на рекламном щите визуальную расшифровку названия фонда – «Лагуна вечной любви». И плюс к этому – чтобы изображение гармонировало также и с названием нашей фирмы-филиала «Лебедушка».

– А конкретнее?

– Конкретнее – пожалуйста. Я бы хотел видеть на щите женское лицо, – сказал Карен Степанович, – женское лицо, так сказать, излучающее спокойствие, тихое счастье... Располагающее к доверию. Просто женское лицо и все. Ну и, логотипы фирмы и фонда, естественно. Никакого слогана, ничего. Народ, как вы правильно заметили, устал он многообещающих слов. А воздействие такого рекламного щита будет проходить как бы на подсознательном уровне. Представьте, – Карен Степанович наклонился ко мне, – человек едет на машине по городу, краем глаза замечает нас рекламный щит, рассмотреть до конца он его не успевает – поэтому и не нужны никакие слоганы и сложный визуальный ряд тоже не нужен. Человек просто-напросто воспринимает женское лицо, вызывающее у него положительные эмоции и рядом с этим лицом – логотипы фирмы и фонда. Одно накладывается на другое и... Понимаете?

– Конечно, – сказала я, – надо думать, что модель для рекламного щита вы тоже уже подобрали.

– Вот с этим как раз у нас проблемы, – качнул головой Карен Степанович, – нам нужно такое лицо, чтобы... Оно вызывало положительные эмоции у большей части горожан. Не только у мужчин, а даже и у женщин, детей и стариков. Кроме сексуальности и женственности, в этом лице должно быть ярко выражено... – Карен Степанович несколько раз щелкнул пальцами, подбирая нужное слово, – должно быть

ярко выражено... доброе начало, вот. Такое добро, которому можно доверять безоговорочно. Понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.